

леме нулевой флексии в лингвистике: критическое исследование о структуральном анализе функциональной релевантности языковой формы. Проф. доктор Р. Фишер читал курс лекций по введению в славяноведение, по истории чешской литературы и вел спецкурс по теме «Взаимоотношение немецкой классической и славянских литератур» (в котором были использованы новые архивные материалы). Канд. филол. наук Н. Кучеровский читал курс лекций о новой русской и советской литературе, доктор Г. Дудек — о русской литературе XIX в., уделяя особое внимание проблеме идейных и стилистических особенностей поэзии критического реализма. Активное участие в работе института принимал доктор Г. Юнггер, автор диссертации о творчестве А. Н. Толстого.

В серии «Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte», издаваемой по поручению Исторической комиссии Саксонской Академии наук Т. Фрингсом и Р. Фишером, до лета 1958 г. было опубликовано пять томов. Пять следующих томов готовы к печати.

Для публикации по случаю IV Международного съезда славистов в Москве лейпцигские славяноведы написали 8 статей: для сборника комитета славистов ГДР 7 статей и для сборника Советского комитета славистов 1 статью. Проф. Р. Фишер, доктора Р. Ружичка, Г. Кирхнер, Г. Юнггер и др. приняли активное участие в работе IV Международного съезда славистов в Москве.

Славянская филология в Лейпциге имеет старую традицию. Теперь следует исполь-

зовать достигнутые результаты на благо нового, социалистического общества.

В течение 1957/1958 учебного года были опубликованы следующие труды и книги лейпцигских славистов (кроме статей): R. Fischer, Schillers Widerhall in der russischen Literatur («Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig»); ег о ж е, Fahrten nach Weimar — Slawische Gäste bei Goethe (Arion Verlag, Weimar); R. Růžicka, Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik («Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik in der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», № 14); H. Schuster-Sewc, Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Ein Beitrag zur Geschichte der niedersorbischen Sprache («Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik in der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», № 15).

На Философском факультете Университета имени Карла Маркса были представлены следующие диссертации на славянские и германо-славянские темы: P. Nowotny, Čišinskis «nationales Programm» auf der Grundlage seiner Weltanschauung; E. M. Pietsch, Thomas Mann und F. M. Dostoevskij; A. Richter, Die Ortsnamen des Saalkreises; W. Fleischer, Namen und Mundart im Raum von Dresden.

(Ранее представленные диссертации уже отмечались в сообщении 2. X. 1957 — ВЯ, 1958, № 2.)

Р. Фишер

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ АССИРИОЛОГИИ, ЕГИПТОЛОГИИ И СЕМИТСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ, В ЛЕНИНГРАДЕ

12—17 мая 1958 г. в Институте востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде состоялась Всесоюзная сессия по ассириологии, египтологии и семитской эпиграфике, посвященная столетию расшифровки ассиро-авиловской клинописи. В сессии приняли участие представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Баку, Таллина, Ростова-на-Дону, Львова и Тулы.

На сессии было прочитано 42 доклада, посвященных исследованию различных проблем ассириологии, хеттологии, урартоведения, египтологии и семитской эпиграфики.

Филологические и лингвистические вопросы были затронуты в большинстве хеттологических докладов, в докладах по семитской эпиграфике, а также в некоторых других докладах.

Вяч. В. Иванов (Москва) в докладе «Структура хеттского предложения» сообщил, что нагромождение энклитических частиц в начале хеттского предложения и хеттские слова со следующими за ними местоименными комплексами имеют параллели в кельтских языках. Можно предположить, что в индоевропейском праязыке

на первом месте в предложении могло находиться имя (позднее превращающееся в наречие). При присоединении местоименных элементов, находившихся на втором месте, могли образовываться индоевропейские глагольные формы типа форм на *-mi* (*-mi*). Суффиксирование местоимений, наблюдающееся в случае, когда на первом месте находится глагол (а не имя), относится к более позднему времени, но имеет аналогичный характер и значение.

И. М. Дунаевская (Ленинград) в докладе «Префиксы хаттского (протохеттского) глагола» показала, что исследование двузачных текстов позволяет установить довольно постоянную последовательность расположения префиксов хаттских глаголов по отношению к корню и друг к другу. Устанавливается семь префиксальных групп, для которых можно считать предварительно выясненными следующие значения: отрицание, наклонение (две группы префиксов), объект или субъект (две группы префиксов), локатив и залог (?). В связи с этим пересматриваются некоторые сделанные ранее толкования хаттских глагольных форм.

В докладе «Формы медиума хеттского глагола в сравнительно-историческом освещении» А. Н. Савченко (Ростов-на-Дону) выдвинул положение, что хеттские окончания медиума являются наиболее близким отражением индоевропейских, а индоевропейские и греческие развились в эпоху обособления индоевропейских диалектов — предков индо-иранского и греческого. Докладчик восстанавливает следующие индоевропейские окончания медиума: ед. число, 1-е лицо **-xa*, 2-е лицо **-tha*, 3-е лицо **-a*; мн. число, 1-е лицо **-mes-dha*, 2-е лицо **-dhum*, 3-е лицо **-r*. Эти окончания имеют много общего с окончаниями перфекта. Таким образом, подтверждается мнение Е. Куриловича, высказанное им в 1932 г., об общем происхождении медиума и перфекта.

В своем докладе «Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской клинописи» Т. В. Гамкрелдзе (Тбилиси) на основании детального анализа палеографических и орфографических особенностей клинописных систем аккадско-хеттской группы (аккадской клинописи из Нузи, хеттской и хурритской клинописи и т. д.) пришел к заключению, что все эти виды письменности восходят к аккадской письменности, предшествовавшей старовавилонской клинописи. Наиболее вероятным источником хеттской клинописи следует считать не хурритскую письменность, развившую у себя ряд вторичных особенностей, отличных от особенностей хеттского письма, а аккадскую клинопись в том виде, как она распространилась в Северной Сирии в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Можно, напротив, предполагать влияние хеттской клинописи на хурритскую.

В своем докладе «К пониманию хеттской формулы *parnaššea šuwaizzi*» Э. А. Менабде (Тбилиси), исходя из дословного понимания встречающейся в Хеттских законах формулы *parnaššea šuwaizzi* [«и его дому толкает (?)»], сделал предположение, что смысл этой формулы заключается в передаче возмещения непосредственно в собственности (в дом) потерпевшего.

Б. В. Казанский (Ленинград) в докладе «К толкованию иероглифической надписи из Кара-тепе» указал на новые возможности толкования некоторых хеттских иероглифических знаков и на возможности уточнения при помощи хеттской иероглифической версии некоторых мест финикийского текста билингвы.

Доклад Г. А. Тираняна (Ереван) был посвящен «Новой надписи Арташеса I с озера Севан». Надпись новой стелы **rthš-sy mlk brzytr Rwndkn hlq byn qrs?* не оставляет никакого сомнения в том, что эта стела, как и три, найденные ранее, представляют собой межведь камни времени Арташеса (Артакия) I (189—160 гг. до н. э.), упоминаемые армянским историком Моисеем Хоренским.

«Современное состояние вопроса о хронологии южноаравских надписей» было темой доклада А. Г. Лундина (Ленинград). Докладчик остановился на рабо-

тах Жаклин Пиренн, посвященных датировке южноаравских надписей по их связям с палеографией греческих надписей. Несмотря на ценность работ Ж. Пиренн, ее метод может быть принят лишь для более поздних надписей, начиная с III в. до н. э. Наиболее ранние монументальные памятники датируются предположительно VIII в. до н. э.

Л. А. Липпин (Ленинград) посвятил свой доклад «Значению союза *й* в Законах Хаммурапи».

С. Я. Лурье (Львов) в докладе «Микенские надписи и Древний Восток» пришел к выводу, что влияние Древнего Востока на язык и стиль микенских надписей проявляется, во-первых, в области фонетики: случаи слабой артикуляции *и*, соответственно, ненаписания *г* и *л*; отсутствие резкого различия между звонкими, глухими и придыхательными и др.; во-вторых, в области лексики: заимствование названий ряда предметов из семитских языков, некоторых имен — из египетского, имен *Inapi* и *Mutiri* — из египетского; в-третьих, в формулах документов: канцелярские формулы приношения богам, распределения одежды и т. д., списки приношений, документы о распределении земли.

И. Д. Амусин (Ленинград) в докладе «Кумранский фрагмент „Молитвы“ вавилонского царя Набонида» показал, что «Молитва» Набонида — часть того субстрата, из которого сложился канонический текст первых глав (2—5) «Книги Даниила». «Молитва» является любопытным свидетельством внутренних связей между Кумранской общиной и ассирийско-вавилонской и иранской средой. К этим же связям, возможно, восходит также и дуалистическое учение Кумранской общины о борьбе двух начал — света и тьмы, добра и зла.

И. М. Дьяконов (Ленинград) в докладе «Урартские царские и другие официальные письма из Кармир-блур» отметил, что урартская скоропись имеет иное происхождение, чем урартское эпиграфическое письмо, восходящее к ассирийской клинописи X—IX вв. до н. э.: форма знаков скорописи значительно более архаична и восходит к аккадско-хеттской системе II тысячелетия до н. э. Характерно наличие словоразделителя, так же как в Угарите и в древнеарамейской клинописи.

Доклад Н. В. Арутюняна (Ереван) «Урартская клинописная табличка из раскопок 1956 г. на Кармир-блуре» опирался на предложенные им впервые перевод и интерпретацию этой таблички.

В основу исторических выводов Э. А. Грантовского (Москва) в его докладе «Об иранском этническом элементе на территории Наири-Урарту в IX—VIII вв. до н. э.» была положена предложенная докладчиком система определения принципов передачи иранских собственных имен, засвидетельствованных в ассирийских и урартских источниках, а также топонимических названий, относящихся к восточным областям Урартского царства (к северу и северо-востоку от озера Урмия).

Доклады, прочитанные на сессии, обсуждались в конце каждого заседания. Ряд докладов вызвал оживленную дискуссию. На заключительном заседании, состоявшемся 17 мая, было принято решение о создании Всесоюзной ассоциации историков и филологов Древнего Востока.

Сессия показала значительный рост науки о Древнем Востоке в Советском Союзе и наличие большого числа хорошо подготовленных молодых специалистов.

И. М. Дунишевская

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ

В настоящее время готовлю к печати второй том монографии «История армянского языкознания» (первый том вышел в свет в августе текущего года). Работаю над монографией «Армянская диалектология», которая будет состоять из трех томов. Первый том должен содержать общее введение и историю армянских диалектов, а второй и третий тома — сравнительную грамматику. Работа будет завершена в 1961 г. Предварительные результаты моих исследований по истории армянских диалектов опубликованы в виде отдельных статей в «Известиях» АН Арм. ССР (1958, № 5) и в «Историко-филологическом журнале» (1958, № 2).

Составляю и в будущем году сдам в печать однотомный толковый словарь современного армянского языка, охватывающий около 70 тыс. слов. Одновременно готовлю к печати научное наследие покойного проф. Р. Ачаряна. В этом году будут сданы в печать четвертый том «Полной грамматики армянского языка» и пятый том «Словаря армянских личных имен».

Э. В. Агалян
(Ереван)

В данное время я работаю над учебным пособием по лексике современного туркменского языка. Рассчитываю выпустить в свет эту работу в 1959 г. Как известно, вузы Туркменской ССР не обеспечены учебными пособиями по современному туркменскому языку, и первоочередная задача языковедов Туркменистана состоит в создании в ближайшие годы вузовского учебного пособия по всему курсу современного туркменского языка.

Под моей редакцией коллектив языковедов Туркменского университета выпустил в свет орфографический словарь с небольшим сводом орфографических правил. В данное время наш коллектив ведет работу по созданию большого орфографического словаря, где будут отражены, по возможности, все слова современного туркменского языка. В связи с этим я занят исследованием вопросов орфографии туркменского языка. Думаю этот труд завершить к 1961 г. Одновременно работаю над усовершенствованным ранее изданных школьных учебников по туркменскому языку (в частности, по синтаксису).

П. А. Азимов
(Ашхабад)

Недавно в Киеве, в Издательстве Академии наук УССР, вышел подготовленный в Институте языкознания им. А. Потебни АН УССР «Курс истории украинского литературного языка» (т. I — дооктябрьский период) объемом в 40 печ. листов, в котором мне, наряду с общим редактированием работы и руководством авторским коллективом, принадлежит около 15 печ. листов текста.

Научная история украинского литературного языка еще не создана. Поэтому авторскому коллективу «Курса» пришлось во многих областях провести исследовательскую работу, результаты которой теперь безусловно станут (и уже стали) достоянием учебных пособий по курсу истории украинского литературного языка на филологических факультетах университетов и институтов.

Мы ждем критических откликов и добрых советов по поводу этой книги, а тем временем продолжаем работу над вторым томом «Курса», в котором освещается советский период развития языка. Хотя этому периоду и был посвящен ряд моих работ (в частности, моя монография «Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы», 1955) и работ моих научных товарищей и аспирантов, здесь также необходимы предварительные исследования, особенно в области развития и взаимодействия структурных стилей литературного языка (научного, публицистического, делового, эпистолярного, языка художественной литературы и др.).

В ближайшее время выйдут также другие работы, в подготовке которых я принимал участие, — сборник работ по синтаксису украинского языка, сборник работ к съезду славистов в Москве, переработанное «Украинское правописание».

В связи с обязанностями министра просвещения УССР в мою научную тематику властно вошло много новых вопросов, непосредственно не относящихся к языкознанию. Однако и в этой области имеется ряд проблем, при теоретической и практической разработке которых в Министерстве просвещения УССР весьма полезной оказалась моя научная специальность языковеда. К этой сфере относятся, например, такие темы: «Литературный язык как орудие просвещения», «Параллельное преподавание двух родственных языков — украинского и русского (научный, учебно-методический и психологический аспекты)». Недавно на межреспубликанской научно-